

Василий Павлов (справа) и Борис Ливанов вспоминают веселые МХАТовские денечки. 1947

Зачем Немировичу делали операцию

*Веч. Москва - 1999 -
13 янв. - С.4*

Когда Тарасову надо было спасти от Прудкина, Яншин заснул

Александр РОГОВ

Василий Георгиевич Павлов, впоследствии заслуженный летчик-испытатель, Герой Советского Союза, начинал с работы гримера: не МХАТа, в тридцатые годы. И поэтому часто видел прославленных артистов «без галстуков» в неофициальной обстановке, где не обходилось без шуток и розыгрышей.

— Василий Георгиевич, говорят, что самым завидным любителем анекдотов во МХАТе был Ливанов...

— Он без анекдотов вообще не появлялся в театре. Многие сам сочинял. Ну, например. Приходит Ливанов, весь взбудораженный: «Немировичу-Данченко операцию сделали!». Что такое? — Ему язык Заостровского из задницы вырезали... А Заостровский (артист, в общем-то, посредственный) все время кланялся у Немировича какую-нибудь роль. Поэтому и лизал ему одно место... В принципе у Ливанова были приличные анекдоты. И все же — как он уцелел, почему его не «привлекали», не знаю... Ведь это были годы, когда за анекдот могли и посадить.

— Посадить-то, наверное, могли за политические анекдоты?

— А у него и политические были... Ведь не зря же госбезопасность на театры обращала очень большое внимание. Сейчас уже известно, что чуть ли не каждый второй артист вызывался в органы и давал подписку: обязуюсь с целью укрепления государства и советской власти не допускать контрреволюционных высказываний...

— Вы мне рассказывали, как Дорохин и Массальский разыграли Качалова...

— Василий Иванович ушел на сцену, попросив подождать. В это время в уборную Качалова заходят Массальский и Дорохин. Массальский залезает на подоконник и становится за штору, а Николай Иванович остается со мной. Приходит Качалов. Дорохин сразу задает ему какой-то вопрос. А отвечает Массальский из-за шторы. Голосом Качалова. Василий Иванович просто обалдел.

— А кто еще из мхатовцев особенно любил пошутить?

— Ларин Николай Иванович. Любитель закулисной жизни. Копировал почти любого. Казалось бы, такому артисту цены нет, а вот поди ж ты — на сцене ни одной приличной роли не сыграл.

— Почему так?

— В театре было очень много сильных артистов, которые не состоялись. Не везло, и талант хирел. Помню, был такой актер Баташов. Умнейший человек, начитанный. Инженер по образованию. Увлёкся театром. Окончил театральное училище и пришел во МХАТ. А вот проявить себя не смог. Кроме массовых сцен — ничего. И инженера из него не получилось, и в искусстве себя не нашел. Сам себя часто корил: «Ну что я тут пропадаю?». Но не мог уйти из театра.

— На сцене, надо полагать, тоже случались казусы?

— В «Днях Турбиных» беспорядочно играл Лариосик-Яншин.

Помню, однажды за кулисами хорошо расслабились. И уже к сцене встречи Нового года исполнители были здорово навеселе. И вот мизансцена: Лариосик за столом засыпает, Шервинский, убедившись, что Лариосик спит, начинает Елену обрабатывать. От стола они переходят на диванчик, и уже дело до поцелуев дошло, целуются, а реплики, которую Яншин должен произносить /«Не целуйтесь, а то меня тошнит»/, все нет. Он по-настоящему заснул! И вот уже и слова кончились, и ласки, дальше ехать некуда... А реплики нет. Тут Тарасова вырывается из объятий Прудкина, подбегает к столу, локтем как двинет... Яншин поднимает голову, видит зрительный зал, понял, в чем дело: «Не целуйтесь, а то меня тошнит». Занавес.

...А еще в Художественном театре была «категория» бессловесных артистов. Например, Мозалавский. Он начал работать еще со Станиславским. Выступал только в массовых сценах, никогда не произносил ни одного слова, поскольку заикался и шепелявил. И вот в спектакле «В людях» надо было срочно заменить заболевшего артиста, который в сцене с бастующими булочниками говорил: «Конечно!». Поручили Мозалавскому. Мало того — у него была коронная фраза: «И конечно, и безусловно». И вот когда наступил момент выкрикнуть «Конечно!», он выпалил «И конечно... и безусловно!». Хохот в зале стоял дикий.

— А со стариками МХАТа вам приходилось сталкиваться?

— С Немировичем. Ставили спектакль «Хлеб» Киршона. И вот после генеральной репетиции что-то разговорились мы с Сашей Звенигорским, игравшим в этом спектакле. Я говорю: «А так не бывает». Я же из деревни только недавно приехал. «Как не бывает?» А так, говорю. Вот сцена заканчивается. Всем миром идут на покос. Песни поют. А кругом ребята бегают, девочек щупают. В деревне, если старик увидит, что на его глазах кто-то кого-то щупает... Такого получишь пинка под зад, что мало не покажется. А тут на глазах у всего мира щупают девочек!

Проходит день или два, вызывают меня к Владимиру Ивановичу. Затряслись у меня колени, вроде ничего я не натворил... «Вася, говорят, что-то мы тут неправильно делаем...» Я говорю: «Вот... Я по этой сцене...» «А как надо?» Ну я ему повторил то, что сказал Звенигорскому... Переделали. Все это визжание, всю эту беготню убрали из спектакля. Поблагодарил меня...